

ПЕРЕВОД

УДК 811.161.1'367.625:821.161.1-3:8111.112.2'25

© 2024 Е. В. Алимпиева

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ АКЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

В статье на материале художественной прозы устанавливаются основные приемы перевода русских глаголов различных способов действия на немецкий язык; выявляются полные и частичные межъязыковые соответствия выражения способов действия, основывающиеся на системных (морфемных, морфологических, синтаксических) и функциональных характеристиках сопоставляемых единиц; описываются факторы, обуславливающие выявленные закономерности языковой репрезентации протекания онтологически однотипных действий при переводе.

Ключевые слова: контрастивная аспектология, переводоведение, способ глагольного действия, межъязыковая эквивалентность, переводческие трансформации.

© 2024 E. V. Alimpiyeva

TRANSLATION REGULARITIES OBSERVED WHEN RENDERING RUSSIAN ACTION VERBS INTO GERMAN (BASED ON FICTION)

The study focuses on the main methods of translation of Russian verbs of various manners of action into German. The analysis carried out is based on the fiction prose. In the article, the author identifies full and partial interlingual actional equivalents based on systemic and functional characteristics of the compared units and describes the factors that condition the revealed regularities of linguistic representation of the course of ontologically similar actions when translating.

Key words: contrastive aspectology, translation studies, manner of verbal action, interlingual equivalence, types of translation transformations.

Вопросы о языковом статусе способов глагольного действия (далее – СГД), критериях их выделения и средствах языковой репрезентации занимают значительное место в аспектологической проблематике разноструктурных русского и немецкого языков и по-прежнему не находят однозначного решения. Исследователи по-разному характеризуют СГД, предлагая различные их классификации. В славянской и неславянской аспектологических традициях СГД, как правило, изучаются во взаимодействии с категорией вида / аспекта, словообразованием, контекстуальным окружением и выделяются на основании общности универсальных семантических характеристик фазового членения действия, его хода и распределения во времени. В контрастивных исследованиях, посвященных сопоставительному исследованию СГД в видовых славянских и безвидовых германских языках, в частности в русском и немецком,

«исходным, отправным пунктом рассмотрения является система русского языка» [Ризаев, 2013: 32].

Особенности семантики и функционирования акционально окрашенной глагольной лексики в исходном (далее – ИЯ) и переводящем (далее – ПЯ) языках рассматриваются в работах, выполненных в русле современных тенденций в языкознании и включающих в себя контрастивный аспект проблемы, таких авторов, как Т. А. Бочкарева, Е. Э. Бутаева, Н. Н. Волостнова, М. Г. Гашкова, Е. В. Горбова, Е. Д. Кучеренко, М. М. Мизова, А. С. Потапенко, И.-Э. С. Рахманкулова, Э. М. Рянская, В. И. Стаценко, А. Н. Трошкина, М. К. Шеина и др.

Как показывает анализ различных аспектологических направлений, на современном этапе развития контрастивной лингвистики наиболее эффективным инструментом выявления способов языковой репрезентации глагольного действия в разноструктурных языках является межъязыковое сопоставление, основанное на анализе переводов текстов [Маслов, 2004: 334]. Для достижения поставленных целей исследователи при этом все чаще прибегают к использованию параллельных корпусов, включающих оригинальные тексты разных жанров и их переводы на другие языки. Такие корпусы позволяют добиться высокой репрезентативности материала и достоверности результатов и поэтому представляют собой эффективный инструмент для исследований в области теоретического языкознания, теории и практики перевода, контрастивной лексикологии, лексикографии и др. [Добровольский, Кретьева, Шаров, 2005].

В практических целях в рамках частной теории перевода особенно подробно рассматриваются «способы передачи лакун лексического или грамматического характера, когда в одном из сопоставляемых языков отсутствует та или иная грамматическая категория или лексические средства выражения соответствующего значения» [Шейна, 1984: 15], что вызывает наибольшие трудности при выборе адекватных средств переводящего языка.

Ввиду довольно подробной изученности русских СГД в данной работе интерес для нас, в первую очередь, представляют средства репрезентации СГД в безвидовом немецком языке, который, как известно, не обладает достаточной парадигмой форм для выражения значений способов действия, сопоставимой по объему с русским языком, вследствие чего семантическое богатство русского глагола, его точность, выразительность и динамичность часто не могут быть воспроизведены в тексте перевода тождественными средствами, что вынуждает переводчика использовать различные приемы и трансформации: заменять

глагол словосочетанием, задействовать лексические добавки, прибегать к описательному переводу и т. п.

Актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в контекст приоритетных направлений системно-структурной и антропоцентрической парадигм лингвистики, теории и практики межкультурной коммуникации, функциональной лингвистики и переводоведения, одной из наиболее важных задач которых является комплексный контрастивный анализ универсальных языковых категорий, к которым относятся СГД, не только актуализирующие важную информацию об особенностях функционирования систем сопоставляемых языков, но и служащие средством выражения характерных особенностей ментальных сфер их носителей.

Цель статьи – выявить основные приемы перевода русских глаголов различных СГД на немецкий язык и охарактеризовать типологические факторы, детерминирующие различия в оформлении идентичных способов действий средствами сопоставляемых языков в процессе перевода.

Исследование осуществлено в границах разработанной в русистике классификации СГД, экстраполированной нами на систему способов действия в немецком языке с учетом семантической общности характеристик протекания действия. Под СГД при этом мы понимаем «типологическую категорию, представляющую собой совокупность языковых единиц с обобщенными временными, количественными и специально-результативными характеристиками фазового членения и хода действия и реализуемую средствами различных языковых уровней на парадигматической и синтагматической оси» [Алимпиева, 2022: 3].

В качестве практического **материала исследования** использованы коррелирующие пары глагольных наименований различных СГД, извлеченные из коммуникативно равноценных высказываний, представленных в художественных текстах немецкого параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) за 20 лет (1997-2017 гг.) общим объемом 11 документов [НКРЯ, 2003-2022]. Перечень русских глагольных наименований, подлежащих выборке, ограничен 6 глагольными единицами для каждого отдельно взятого типа СГД. Данное количество, на наш взгляд, является достаточным, т. к. известно, что «при сплошной выборке контекстов для исследуемой языковой единицы после достижения определенного количества языковой материал не сообщает ничего нового о качественных аспектах ее употребления» [Баранов, 2001: 37]. Таким образом, репрезентативный объем конкорданса (в корпусной лингвистике – «совокупность всех употреблений заданного языкового выражения в контексте, возможно, со ссылками на источник» [Викисловарь]) для одного СГД

обусловлен частотностью вхождений формирующих его русских глаголов и составляет в среднем 130 словоупотреблений, что позволяет получить достаточно полное представление о способах языковой репрезентации акционсартных значений при переводе с русского на немецкий язык.

Обращение к художественной составляющей НКРЯ, как источнику фактического материала, представляется наиболее релевантным для реализации задач настоящего исследования, прежде всего потому, что глагольные формы являются базовыми в произведениях данного жанра, характеризующегося также семантической емкостью, взаимодействием словесных рядов разных жанров, сопряженностью с разговорной речью, своеобразием синтаксического рисунка текста. Анализируемые переводы на немецкий язык выполнены разными переводчиками – носителями языка перевода (А. Tretner, С. Pöhlmann, G.-M. Braungardt, I. Kolinko, F. Eder, T. Wiedling) и, следовательно, максимально объективно отражают речевой узус. Ссылки на примеры приводятся в соответствии с рекомендациями, данными на сайте <https://ruscorpora.ru> [НКРЯ, 2003-2022].

В ходе исследования применялись метод сплошной выборки, сопоставительно-переводной, дескриптивный и квантитативный методы, приемы компонентного анализа.

Проведенное исследование позволило выявить следующие закономерности перевода русской глагольной лексики различных СГД на немецкий язык.

Сопоставление с немецким языком выявило 72 % случаев полного либо частичного соответствия характеров действий глаголов начинательного, ограничительного и завершительного типов временных СГД в материале ИЯ и ПЯ.

В частности, в большинстве случаев начинательное, ограничительное и завершительное значения русских глаголов формируются в тексте ПЯ в результате простой подстановки – прямой замены русского глагола со словообразовательно немаркированной (примеры 1, 2) / маркированной (примеры 3–5) акционсартной семантикой либо сочетания «фазисный глагол + инфинитив смыслового глагола» (пример 6) их непосредственными соответствиями ПЯ.

(1) Так *началась* наша московская жизнь So *begann* unser Moskauer Leben [V. Sorokin. [В. Сорокин. Путь Бро (2004)].
Bro (A. Tretner, 2007)].

(2) <...>, причем до такой степени, что <...>, und zwar in einem Maße, dass selbst
даже самое короткое пребывание во der kürzeste Aufenthalt in der zweiten
второй столице могло *закончиться* для Hauptstadt für ihn äußerst unschön hätte
него очень неприятным образом *enden* können [B. Akunin. Die Diamantene
[Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)].
Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(3) *Аранк закричал – взорвавшийся аквариум был ближе к нему, чем к Мартину, <...>* [С. Лукьяненко. Спектр (2002)]. *Der Aranker schrie auf, da das Aquarium bei der Explosion näher an ihm als an Martin war und <...>* [S. Lukianenko. Spektrum (C. Pöhlmann, 2007)].

(4) – *Может, ночь у нас переждете?* <...> [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Wollen Sie nicht die Nacht bei uns abwarten?», fragte Leistrutt* [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(5) *Я человек, у которого все позади: отвоевался* (разг., ирон.) [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Ich bin ich ein Mensch, der alles hinter sich hat, der ausgekämpft hat* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(6) *Отец стал пить* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Der Vater begann zu trinken* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

В ходе исследования установлено, что в ряде случаев начинательное значение, выраженное в ИЯ префигированным глаголом либо сочетанием фазисного глагола и инфинитива, в тексте ПЯ семантизируется через «одну из наиболее значимых фигур аспектологического контекста – сопряженность действий в последовательности» [Balin, Zharebkov, 1973: 8]. В связи с этим можно сделать вывод, что начинательность в немецком языке, помимо вышеперечисленных способов, может быть имплицирована в чисто временной последовательности ряда действий. Так, например, сопряженность с определенной пространственной точкой в ряду последовательных действий дает возможность неопредельным бесприставочным немецким глаголам *weinen* ‘плакать’, *lachen* ‘смеяться, хохотать’, *laufen* ‘бежать’, *schreien* ‘кричать’ и др. при употреблении в форме прошедшего времени выражать значение предельности, свойственное соответствующим русским начинательным глаголам совершенного вида (примеры 7, 8).

(7) *И я сначала заплакала. Потом начала хохотать как безумная* [С. Лукьяненко. Спектр (2002)]. *Zuerst weinte ich. Dann lachte sie wie eine Irre* [S. Lukianenko. Spektrum (C. Pöhlmann, 2007)].

(8) *Обхватила меня руками, радостно закричала и заплакала* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Umarmte mich, stieß einen Freudenschrei aus, weinte* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Особенностью перевода на немецкий язык русской префигированной лексики ограничительного типа временных СГД является широкое использование синтаксических трансформаций, не затрагивающих семантическую составляющую исследуемых языковых единиц, таких как перестановки и добавление, т. е. введение в структуру предложения приглагольных лексических маркеров (*einen Moment* ‘(одну) минуту’, *einen Augenblick* ‘мгновение’, *fast eine Stunde* ‘почти час’, *eine Zeit lang, eine Weile* ‘некоторое время’, *kurz*

‘немного’, *die ganze Nacht hindurch* ‘всю ночь’ и др.), указывающих на ограниченную протяженность временного интервала, в течение которого осуществлялось действие, выраженное немецким глаголом (примеры 9, 10).

(9) *Шеф помолчал*: <...> [С. Лукьяненко. *Der Chef schwieg einen Moment* (С. Pöhlmann, 2005)].
Ночной дозор (1998)]. [S. Lukianenko. *Wächter der Nacht* (C. Pöhlmann, 2005)].

(10) *Так они просидели еще некоторое время* [В. Сорокин. *Метель* (2010)].
[V. Sorokin. *Der Schneesturm* (A. Tretner, 2014)].
Eine Zeit lang saßen sie noch so da

К закономерностям перевода русских префигированных глаголов завершительного типа временных СГД мы относим употребление в качестве межъязыкового эквивалента немецкого неопределенного глагола с невыраженной морфемно акционсартностью в одной из контекстно релевантных форм прошедшего времени действительного либо страдательного залога (примеры 11, 12).

(11) <...>, где *Ольга сперва отучилась четыре года на экономическом факультете в NYU*, <...> [В. Сорокин. 23000 (2005)].
<...>, wo *Olga zuerst ihre vier Jahre an der Wirtschaftsfakultät der NYU studiert* (дословно: *училась) <...> *hatte*, <...> [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(12) *Эта история о любви дописана до конца* [А. Маринина. *Игра на чужом поле* (1997)].
Diese Liebesgeschichte ist geschrieben worden (дословно: *написана) [A. Marinina. *Auf fremdem Terrain* (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

Как показывает анализ приведенных примеров, немецкие бесприставочные неопределенные глаголы *studieren* ‘учиться’ и *schreiben* ‘писать’, предложенные в качестве эквивалентов предельных глаголов *отучиться* и *дописать*, характеризуют действия с точки зрения их целостности и результативности, отчасти актуализируя тем самым и финитивное значение. Данный факт свидетельствует о том, что семантический потенциал форм прошедшего времени в немецком языке охватывает такие аспектуально значимые понятия, как завершенность, фактовость, результативность, компенсируя недостаточность парадигмы регулярных аффиксальных средств формирования завершительного значения. В лексическом значении немецкого глагола при этом, на наш взгляд, преобладает сема результативности.

Описанные выше переводческие соответствия, имеющие отношение к плану выражения и не затрагивающие план содержания исследуемых языковых единиц, мы рассматриваем как допустимые / частичные эквиваленты, т. е. «соответствия, совпадающие по архисеме и выступающие в качестве основы коммуникативной равноценности независимо от того, какими средствами происходит передача содержания (описательный перевод,

синонимическая замена, пропорциональная подстановка и др.). Достижение эквивалентности сопоставляемых языковых единиц представляется возможным, когда достаточным в силу контекстуальных условий может оказаться, например, перевод видового слова родовым: *закусывать* ‘essen’, *нестись* ‘laufen’, и т. п.» [Стернин, 2007: 68], т. к. в «эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения, кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой ПЯ» [Каргина, 2014: 11].

В 28% случаев в исследуемом материале немецкого языка фиксируются трансформации как плана выражения, так и плана содержания исследуемых СГД, возникающие вследствие отклонения переводчика от семантико-структурного параллелизма между текстами ИЯ и ПЯ. В результате этого временная семантика СГД утрачивается. Наиболее широко используемые переводческие приемы – лексико-грамматические трансформации (замена частей речи и /или членов предложения, добавление, опущение, генерализация, целостное переосмысление), перестройка синтаксической структуры предложения (примеры 13–15).

(13) *Мы начинали понимать, что вдвоем можем все* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Uns schwante* (дословно: *предчувствовали), *dass wir beide gemeinsam zu allem in der Lage waren* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(14) *Перхуша помолчал, дыша и шмыгая носом* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Der Krächz keuchte nur, schniefte und sagte nichts* (дословно: *ничего не сказал) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(15) *До утра недолго осталось. Переждем* [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Bis es hell wird, hält man's hier aus. Kann nicht mehr lang dauern* (дословно: *не может долго продолжаться) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

При передаче средствами немецкого языка значений СГД одноактного и многоактного типов количественных СГД ввиду отсутствия морфем, аналогичных по продуктивности русским суффиксам *-(a)ну-*, *-и-*, *-а-/-я-*, переводчики в большинстве случаев (78%) прибегают к использованию глаголов, совмещающих в своем лексическом значении семельфактивную и мультипликативную семантику: *niesen* ‘чихать / чихнуть’, *pfeifen* ‘свистеть / свистнуть’, *tauchen* ‘нырять / нырнуть’, *feuern* ‘палить / пальнуть’ и др. Значение семельфактивности либо мультипликативности представленной ситуации при этом эксплицируется при добавлении лексических средств:

1) наречий *einmal* ‘однократно’, *ein paar Mal*, *mehrmals* ‘несколько раз’ и др. (примеры 16, 17);

2) существительных с неопределенным артиклем *ein / eine*, указывающим на однократный характер совершаемого действия (пример 18);

3) глагольно-субстантивных конструкций – «устойчивых словосочетаний с полным и частичным переосмыслением, состоящих из двух компонентов: отглагольного существительного в винительном или дательном падеже или в форме предложной группы и функционального глагола, теряющего в сочетании свое исходное, самостоятельное лексическое значение (иногда полностью, иногда в определенной степени) и выполняющего грамматическую функцию» [Степанова, 2007: 69] (пример 19).

(16) В соседней комнате, <...>, такой хитрый пол – не успеешь **чихнуть**, как уже в подвале [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)]. *Das Zimmer nebenan, <...>, hatte einen raffinierten Fußboden – ehe man **einmal nieste**, war man schon schon unten* [B. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(17) <...>, вчера она даже **ныряла**, <...> [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. *<...>, **ein paar Mal tauchte** sie sogar, <...>* [A. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

(18) <...> и **свистнул** неожиданно так сильно, что свист этот перекрыл рев механизмов и крики толпы [В. Сорокин. 23000 (2005)]. *<...> und **tat einen** so markerschütternden Pfiff, dass er das Gebrüll der Maschinen und das Geschrei der Menschen übertönte* [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(19) Мы **кружили** вокруг рынка, но не видели нашего, <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. *Wir **drehten mehrere Runden** über den Markt, konnten ihn aber nicht sehen, <...>* [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Наиболее часто (56%) в исследуемом конкордансе смягчительного (пример 20), прерывисто-смягчительного (пример 21), сопроводительного (пример 22) и осложненно-интенсивного (пример 23) подтипов количественных СГД фиксируются случаи изменения плана содержания представленной акциональной ситуации по сравнению с текстом оригинала, возникающие в результате применения лексико-грамматических и синтаксических трансформаций.

(20) По их голосам было ясно, что они **подустали** и **подзамерзли** [В. Сорокин. Метель (2010)]. *Man hörte ihnen an, dass sie **müde waren** und **froren*** (дословно: *устали и замерзли) [V. Sorokin. Der Schneesturm (A. Tretner, 2014)].

(21) Но молоточек со льдом стал равномерно **постукивать** меня в грудь [В. Сорокин. Лед (2002)]. *Immerhin begann das Hämmerchen mit dem Eis sogleich, mir rhythmisch gegen die Brust zu **klopfen*** (дословно: *стучать) [V. Sorokin. Ljod. Das Eis (A. Tretner, 2005)].

(22) <...>, некоторые даже стали <...>, *manche fingen gar zu **tanzen** an **приплясывать*** [В. Сорокин. 23000 (2005)]. (дословно: *танцевать) [V. Sorokin. 23000 (A. Tretner, 2010)].

(23) Он не стал *упрашивать*, <...> *Er **bat nicht*** (дословно: *не попросил), <...> [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Широкое использование различных переводческих трансформаций в процессе перевода на немецкий язык русских глаголов с семами пониженной / повышенной интенсивности и комитативности, на наш взгляд, обусловлено сложностью жанрово-стилевой организации текста оригинала, а также стремлением к следованию нормам языка, на который делается перевод. При этом использование переводческих приемов приводит к тому, что семантические оттенки СГД русских префигированных глаголов в ПЯ замещаются семой результативности, что является свойственным языковому менталитету носителей германских языков, характеризующемуся «скорее фактологичностью, чем динамичностью» [Дюсекенева, 2014: 76].

Изменение семантических характеристик СГД в текстах ПЯ по сравнению с ИЯ, на наш взгляд, не служит признаком неадекватности выполненного перевода, т. к. содержание и функционально-прагматическая адекватность параллельных текстов при этом сохраняются, а сама возможность таковых изменений имплицирована в бикомпонентной семантике соответствующих немецких глаголов, допускающей изменение ракурса, под которым рассматривается действие.

Наиболее продуктивным способом перевода русской глагольной лексики всех основных типов специально-результативных СГД выступает прием прямой замены (86%). В качестве переводческих эквивалентов при этом используются:

- 1) глаголы с морфемно немаркированными СГД (5%) (пример 24);
- 2) словообразовательно маркированные глаголы (48%) (примеры 25–27);
- 3) сочетания «глагол + лексический маркер-репрезентант определенного СГД» (12%) (примеры 28, 29);
- 4) глагольно-субстантивные конструкции (21%) (пример 30).

(24) Он долго ворочался, *измучил* меня <...>, *der noch lange wach lag und mich mit seiner Beredsamkeit **peinigte*** [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(25) – В первое же утро *опросили* всех поголовно, <...> [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. *Gleich am ersten Morgen **befragten** wir alle ohne Ausnahme, <...>* [A. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

(26) *Чего-чего? – переспросил Адмирал* «Wie bitte??», *fragte der Admiral noch wütender zurück* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(27) *<...> Что я исхожу миллионы миров, познакомлюсь с миллиардом людей...* *<...> Dass ich Millionen Welten abwandere, Milliarden Menschen kennenlerne* [С. Лукьяненко. Спектр (2002)]. [S. Lukianenko. Spektrum (C. Pöhlmann, 2007)].

(28) *А немцы стреляли в тех, кто шевелился. Всех перебили...* *Die Deutschen schossen auf alles, was sich bewegte. Einen nach dem anderen schossen sie tot* [В. Сорокин. Лед (2002)]. [V. Sorokin. Ljod. Das Eis (A. Tretner, 2005)].

(29) *Поутру мы вымылись в реке, наелись земляники, <...>* *Am nächsten Morgen badeten wir im Fluss, aßen uns an Walderdbeeren satt, <...>* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

(30) *Власть наговорившись сердцами, мы жгли костер <...>* *Hatten unsere Herzen zur Genüge und zu aller Zufriedenheit miteinander gesprochen, entfachten wir ein Feuer, <...>* [В. Сорокин. Путь Бро (2004)]. [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

В 14% случаев аналогичные характеры действий специально-результативных СГД в ИЯ и ПЯ концептуализируются по-разному: акциональная семантика словообразовательно маркированного глагола ИЯ в ПЯ остается нереализованной и заменяется результативно-фактологическим значением. Релевантным для установления межъязыковой эквивалентности при этом является функциональный макрокомпонент значения слова (примеры 31–34).

(31) *<...>, после того как Настя власть нагулялась и наработалась* *<...>, nachdem Nastja einen ausgiebigen Spaziergang gemacht hatte und mit ihrem Arbeitspensum zufrieden war* (дословно: *совершила длительную прогулку и удовлетворилась выполненным объемом работы) [А. Маринина. Игра на чужом поле (1997)]. [A. Marinina. Auf fremdem Terrain (F. Eder und T. Wiedling, 2001)].

(32) *За эти пять дней он измучился и нас всех измучил* *Diese fünf Tage waren eine Qual für ihn und für uns* (дословно: *были мукой для него и для нас) [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)]. [B. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(33) – *С-судьба? – переспросил он со своим едва заметным заиканием* *«D-das Schicksal?» fragte* (дословно: *спросил) *er* [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003)]. [B. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

(34) Мы отвечали, что ищем большую стройку, где можно **подремать** [В. Сорокин. Путь Бро (2004)].

Wir seien auf der Suche nach einer großen Baustelle, wo man **gut verdienen könne** (дословно: *хорошо заработать), antworteten wir [V. Sorokin. Bro (A. Tretner, 2007)].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что достижение содержательной и функционально-прагматической эквивалентности перевода на немецкий язык русской глагольной лексики временных, количественных и специально-результативных СГД при ее функционировании в художественных текстах достигается в результате использования совокупности определенных переводческих техник и приемов, таких как прямая / простая подстановка, лексико-грамматические, синтаксические и семантико-содержательные трансформации.

Выбор и частотность применения тех или иных способов перевода детерминируются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами:

1) количественными и качественными отличиями морфемных составов двух языков, их различным акциональным потенциалом;

2) особенностями грамматического строя безвидового немецкого языка с его общей тенденцией к аналитизму, что обуславливает более высокую частотность употреблений синтаксических средств языковой репрезентации акциональных значений по сравнению с русским языком;

3) особенностями языкового сознания носителей рассматриваемых языков: соотношением рациональной и эмоциональной составляющих в их оценке акциональной ситуации;

4) жанрово-стилевыми особенностями художественных произведений;

5) закономерностями и задачами переводческой практики, которые заключаются в сохранении содержательной и функционально-прагматической эквивалентности исходного и переводного текстов, что позволяет отступать от дословной точности и в значительной степени определяет выбор языковой единицы при переводе;

6) уровнем профессиональной компетенции переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимпиева Е. В. Способы глагольного действия в русском и немецком языках: система и функционирование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Минск, 2022. 29 с.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
3. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. 2005. С. 263-296.

4. Дюсекенева И. М. Категория аспектуальности в русском и английском языковом менталитете: дисс. ... д-ра философии: 6D020500. Алматы, 2014. 135 с.
5. Каргина Е. М. Теория перевода. Пенза: ПГУАС, 2014. Ч. 2. Основы методологии и техники перевода. 156 с.
6. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. Москва: Языки славян. культур, 2004. 839 с.
7. Ризаев Б. Х. Функционально-семантическое поле лимитативности в современном немецком языке. Самарканд, 2013. 162 с.
8. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. 2-е изд., испр. Москва: КомКнига, 2007. 376 с.
9. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 282 с.
10. Шеина М. К. Добавки, компенсирующие аспектуальную недостаточность немецкого глагола в переводах с русского языка на немецкий: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04; 10.02.20. Калинин, 1984. 186 с.
11. Balin B. M., Zherebkov V. A. Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen // Linguistics. An international Review, 1973. S. 5-13.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Викисловарь. Доступ: <https://ru.wiktionary.org>. (дата обращения: 24.01.2021).
2. Национальный корпус русского языка. 2003-2022. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 20.02.2021). [НКРЯ].

REFERENCES

1. Alimpieva, E. V. (2022). *Sposoby glagol'nogo deystviya v russkom i nemetskom yazykakh: sistema i funktsionirovanie* [Manners of verbal action in the Russian and German languages: system and functioning]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Minsk. (In Russ.).
2. Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
3. Dobrovolskiy, D. O., Kretov, A. A., Sharov, S. A. (2005). Korpus parallelnykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispolzovaniya [Corpus of parallel texts: architecture and usability]. In *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003-2005. Rezultaty i perspektivy*. Pp. 263-296. (In Russ.).
4. Dyusekeneva, I. M. (2014). *Kategoriya aspektualnosti v russkom i angliyskom yazykovom mentalitete* [The category of aspectuality in the Russian and English linguistic mentality]: diss. ... d-ra filosofii: 6D020500. Almaty. (In Russ.).
5. Kargina, E. M. (2014). *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Penza: PGUAS. Ch. 2. Osnovy metodologii i tekhniki perevoda. (In Russ.).
6. Maslov, Yu. S. (2004). *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obschee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General linguistics]. Moskva: Yazyki slavyan. kultur. (In Russ.).
7. Rizaev, B. Kh. (2013). *Funktsionalno-semanticheskoe pole limitativnosti v sovremennom nemetskom yazyke* [Functional-semantic field of limitativity in the contemporary German language]. Samarkand. (In Russ.).
8. Stepanova, M. D. (2007). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word formation of modern German]. 2-e izd., ispr. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
9. Sternin, I. A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika: problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics: problems of theory and research methodology]. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
10. Sheina, M. K. (1984). *Dobavki, kompensiruyushchie aspektualnuyu nedostatochnost nemetskogo glagola v perevodakh s russkogo yazyka na nemetskiy* [Additions compensating for

the aspectual deficiency of the German verb in translations from Russian into German]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; 10.02.20. Kalinin. (In Russ.).

11. Balin, B. M., Zherebkov, V. A. (1973). Aspektuell relevanter Kontext in den germanischen Sprachen. In *Linguistics. An international Review*. S. 5-13.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Vikislovar* [Wikidictionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org>. (accessed: 24.01.2021).

2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian]. 2003-2022. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 20.02.2021).

Алимпиева Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков (e-mail: elena.alimpieva@gmail.com), Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Alimpiyeva Elena V. – Candidate of Philological Sciences, Associate professor of the World Languages Department, Faculty of Humanities and Language Communications (e-mail: elena.alimpieva@gmail.com), Education Establishment «Vitebsk State P. M. Masherov University» 33, Moskovskiy, Vitebsk, 210038

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.